

Дмитрий Чарков

ОБРЕЧЕННЫЕ ВЫСТОЯТЬ

Рассказы для мужчин, которые поймут

ОБРЕЧЕННЫЕ
ВЫСТОЯТЬ

Дмитрий Чарков

16+

Дмитрий Чарков

**Обреченные выстоять.
Мужские рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Чарков Д.

Обреченные выстоять. Мужские рассказы / Д. Чарков — «ЛитРес: Самиздат», 2014

В центре всех рассказов - мужчины: взрослые и подрастающие. И их отношения. Отношения разные – между отцом и сыном, Родиной и дедом, внуком и поступком, компьютером и одиночеством, войной и Россией. Но какие отношения без мамы, бабушки, близкой подруги... - именно они зачастую определяют, что у тебя в душе по отношению к той земле, на которой ты родился, и к тем людям, которые окружали тебя с детства. ISBN 978-5-00071-204-7

Содержание

ТИГРЫ, МИШКИ, ТОПОЛЯ...	6
ОФОРМИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА	16
ЛАБИРИНТЫ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Чарков
Обреченные выстоять. Мужские рассказы

Я, как и ты, ожиданием живу
Верю молчанью, как обещанью,
Пасмурным днём вижу я синеву.
Русское поле, русское поле...

Инна Гофф

ТИГРЫ, МИШКИ, ТОПОЛЯ...

Велик не тот, кто никогда не падал, но тот велик, кто падал и вставал.

Конфуций

Когда перед собой ты вдруг обнаруживаешь вертолёт, который плавно зависает, разглядывая тебя пристально своими выпуклыми глазами и покачивая при этом многоствольными пулемётами – ты невольно замираешь и лишь пялишься заворочено в его холодные и бездушные веки. Или в то, что ты за них принимаешь – стёкла кабины пилотов. Сами пилоты и их глаза проявляются, как изображения на полароиде, мгновениями позже. Но Митя слышал от некоторых своих друзей, и старшего брата тоже, что иногда ты даже не видишь их глаза – не потому, что они избегают прямого взгляда, а потому, как правило, что просто не успеваешь: эти люди смотрят поверх тебя, куда-то вдаль, ты инстинктивно сбрасываешь оцепенение, оглядываешься, и тут же падаешь, отброшенный чудовищной силой навзничь: кто-то из тех людей в «вертушке» незаметно для тебя нажал на какую-то кнопку. И ты уже мёртв. Всего-то кнопка – не педаль даже.

Каково это – быть мёртвым – Тамерлан не представлял. Иса сказал не думать – значит, не надо: он старший, он разбирается, и у него есть свой «калаш». За последние два месяца Мите подалось много неподвижных людей вдоль дороги между Грозным и Урус-Мартаном, и они не производили впечатление тех, кто испытывал хоть какой-то дискомфорт, несмотря на нелепые позы, застывшую мимику или недостающие, обожжённые некоторые части тел. Впрочем, и на чрезмерные удобства по ту сторону бытия такое зрелище тоже не очень-то указывало. Но парнишке не верилось, что Аллах их сделал бессмертными, как говорил отец, или что Иисус теперь молится за них, как шептала мать. Просто не верилось, глядя на эти предметы, бывшими когда-то такими же человеками, как и он.

– Вот уж не думал, что снова доведётся отступать к Москве, – прохрипел дед Кирилл из темноты своего угла. Он сильно болел эти дни, почти не вставал с постели, и бабушка кормила его, как ещё недавно Адама – с ложечки. Митя про себя посмеивался иногда, наблюдая за бабой Галей, подносящей ложку к отросшей седой бороде.

– Почему опять, деда? – спросил он.

– Да в сорок первом-то... – дед Кирилл закашлялся, – ох ты ж, господи. Тьфу! ... Я примерно такой ж был, как Иса наш – вот мы драпали от фрицев...

– Да ну! Ты ж говорил, вы били их!

– Это в сорок четвертом били их, да в сорок пятом... Били. И нас били. Так не свои же!

– Ладно уже, Кирилл, опять за своё! – всплеснула руками бабушка.

– Ма-ам, давай другую свечку зажжём, – предложила бабушке мама Ира, входя в комнату из недостроенной кухни. В руках у неё был старый эмалированный тазик, полный спелой черешни. – Тамерланчик, бери ягоду, вот только набрала, с дерева прямо.

Тамерланчиком его звала только мама, а бабушка с дедушкой – Митей: им так больше нравилось. Старший брат частенько дразнил Митю Там-Тамом, да и то так, чтобы отец не слышал, который обращался к нему не иначе, как по полной форме – Тамерлан. Ему это нравилось гораздо больше, чем Там-Там. Но ласковое «Митя» тоже ценил.

Электричества в Урус-Мартане уже давно не было, «федералы» все станции подорвали. Митя вспомнил, как отец на днях сказал, что свой новый дом они уже не успеют достроить. При этом мама на него посмотрела как-то странно и, отведя глаза, пробормотала еле слышно: «Самим бы ноги успеть унести».

– Дед, а ты тоже «федерал»? – спросил Тамерлан, отправляя в рот спелую ягоду из тазика.

– Чего это вдруг я «федерал»?– откликнулся Кирилл Фёдорович, переворачиваясь на бок.

– Тогда папка мой – «федерал»?

– Аслан не «федерал», уж точно.

– Он в такой же форме на фотографиях, когда в армии служил, как и эти «федералы»,– авторитетно заявил Тамерлан, кивнув неопределенно в сторону завешенного одеялом окна. – И твоя форма на войне тоже на их очень похожа. Там, где ты возле флага. На фотке той, помнишь?

– Помню, – тихо ответил дед.

Фоток больше не было. И кителя его армейского парадного тоже не было – как и не было их квартиры на втором этаже пятиэтажного дома на Фабричной в Грозном. Да и то, что осталось от той «хрущёвки», и домом-то уже назвать было сложно.

Мальчик подсел на краешек кровати к деду, пока баба Галя с мамой вышли из комнаты – они не разрешали ему приставать к больному.

– Я тебе кое-что расскажу, по большому-большому секрету, только ты никому не говори, обещаешь?– заговорщически спросил Митя. Дед Кирилл молча кивнул.

– Нет, ты скажи «клянусь аллахом!»

– Я не знаю никакого Аллаха, Митька, и Иисуса тоже,– в ответ прошипел дед.– С чего я ими клясться-то буду?

– Так... порядок такой. Поклянись, а то не скажу ничего!– не унимался мальчик, то и дело оглядываясь на темный проём двери. Пока всё было спокойно: старший брат с отцом что-то копали в погребке, «федералы» с ичкерами, видимо, и сами уже оглохли от своей стрельбы – потому и молчали, а женщины занимались с Адамом.

– Ну, клянусь, клянусь,– пробормотал Кирилл Фёдорович.

– Аллахом?– поднял брови Митя.

– Аллахом и Буддой, и Христом-богом, – заверил его дед.

– Перекрестись.

Перекрестился.

– Палец вверх подними. Да нет, указательный давай, не хлюзди – большой не пойдёт!

Дед поменял пальцы. Митя произвольно взглянул на потолок, но в свете отбрасываемого отблеска свечи разглядеть там ни Христа, ни Магомеда не смог: значит, можно! – сделал он вывод.

– Скажи сперва, ты видел на войне фрицев в вертолётке? Чтобы вот так прямо перед тобой, как этот... лист перед травой.

Дед невесело усмехнулся.

– Фрицев-то видел, конечно.

– Нет, а вот чтобы лопасти перед носом: вжих-вжих-пряма, как из-под земли, вдруг? И пулемёты – настоящие, боевые, как... как змеи пучком уставятся на тебя и смотрят, смотрят...

– В Отечественную не было ещё вертолётков, Мить.

Тамерлан озадаченно посмотрел на старичка. Как так – не было вертолётков? Ми-24 были всегда: двух-глазые циклопы, один глаз над другим – побольше и пошире.

– У нас танки зато были, – продолжил Кирилл Фёдорович. – Ты же слышал про Курскую битву, про Жукова, Рокоссовского, Гудериана? Я к инженерному батальону тогда приписан был, после контузии. Довелось столкнуться с фашистским «тигром» нос к носу. Он, представляешь, заплутал, видимо – от своих отбил, и к нам прямо в тыл вышел.

– Да ну? Что он, баран, что ли, чтобы от своих отбиться?– засомневался Митя.

Тигр ему представлялся умным и вполне воспитанным хищником. Пусть даже и фашистским. Хотя бабушка рассказывала только про уссурийских – Боголюбовы в Грозный перебрались из Владивостока больше пятнадцати лет назад, когда мама Ира вышла замуж за папу Аслана. Тамерлану представлялось, что тигров там – как баранов в Урус-Мартане: ходят себе

важно между Хабаровском и Владивостоком, охраняют свою территорию. Да-а-а, это тебе не бараны, не шиш-галыш!

– Клянусь тебе всеми ими!– дед поднял глаза кверху. Митя тоже – никого, чисто: можно большого деда помучить ещё немного.

– Представляешь, вытаскиваю из блиндажа корзину с провиантом, а он, «тигр» ихний – на-ка тебе! Как лист перед травой, ага: заворачивает с просеки прямо на нашу опушку.

– Так ты б с «калаша» его..! Та-та-та-та-та!!! Загрызёт же иначе, я знаю!

– А винтарь мой у паленицы прислонен остался. Да и проку-то стрелять: «тигровая» броня – там сотня тонн весу.

Баба Галя про броню ничего не говорила: шкура – да, хорошая папаха могла бы выйти.

– А танк-то ваш где был?

– Наши все на Дуге уже стояли.

– Ну, деда, а из танка по тигру... Мокрое место, наверно, потом – клочки по закоулочкам!

Кирилл Фёдорович засомневался: о том же самом ли они с внуком говорят?

– «Тигры» фрицевские крепкие были, – уверенно провозгласил дед, откидываясь на подушку. – Завернул он, значит, и встал. Понял, что к чужим угодил, вот казус-то! И я встал, рот открыл.

– Ты б ему подкинул хлебца – может, и ушёл бы, сытый – предложил Митя.

Дед опять привстал на локте:

– О! Моя кровь, хоть и в чеченских жилах! Верно ведь: я от неожиданности-то сперва выронил всё, а потом схватил сверху краюху – да в него! Да второй, и третьей...

Митя захихикал тихонько. В последние дни повышать голос в доме отец запретил.

– И не поверишь ведь: как дал фриц задний ход, и мигом – фьюить! Только я его и видел. Даже не успел наш пост прозвонить. Так и не обнаружили его во всём радиусе – может, в речушке увяз там рядом.

Мальчик, оглянувшись на дверь, тихо прошептал:

– Деда, а тебе страшно было? Испугался? Да?

Кирилл Фёдорович почесал бороду, глянул на внука и ответил:

– Да, Мить, очень страшно.

– А ты... это... не написал в штаны?

Дед от неожиданности замер – уж не потешаться ли над ним вздумал этот шалопай черноглазый? Но парень смотрел на старшего с серьёзным и несколько настороженным, как показалось деду, выражением.

– Нет, Митька, не вышло такого со мной – я ж на войне был. Мало ли чего там увидишь – так и портков не напасёшься.

Мальчик тяжело вздохнул и отвернулся. Дед Кирилл насторожился:

– А ну-к, погоди, ты ж мне рассказать хотел что-то? Про «вертушку», небось? Давай, твоя очередь.

Митя немного помялся, потом выдавил из себя:

– Я тоже так вот, нос к носу... с «мишкой».

Дед ахнул:

– Гималайским?!

– Нет, – помотал головой мальчик, – с «двадцать четвёртым».

Кирилл Фёдорович сообразил, что гималайские остались на Дальнем Востоке, а тут речь может идти только о Ми-24. Их в Грозном узнавали все.

– Как так? Тебе ж отец запретил ходить со двора? А если брат узнает? Иса тебе голову оторвёт сразу.

– Тсс!– испуганно приложил палец к губам Тамерлан. – Не оторвёт, а отрежет, между прочим. Но ты же поклялся не говорить!

– Поклялся, как же... Теперь ты мне клянись, что ни шагу впредь отсюда.

Митя перекрестился, затем направил указательный палец вверх, одновременно поклонившись и омыв ладонями лик свой, при этом пробормотав что-то под нос. Глянул вверх – верно: Там его уж на этот раз, должно быть, заметили непременно. Значит, можно продолжать.

– За домом Муслима – у них, знаешь ведь, овражек такой, и забор кирпичный, красный.

– Ну?

– Я на минутку только: хотел добежать, поменять ему кассету «Рэмбо» на «Рокки», и сразу назад. Представляешь, только подбежал к воротам, а тут из-за забора, снизу из оврага как будто – «мишка». Прямо на меня. И, как твой тигр: замер, будто сам меня испугался, понимаешь? А я... вот... в общем, штаны мои потом мокрые оказались. Деда, скажи: я теперь трус, значит?

В глазах мальчика Кирилл Фёдорович видел крошечное отражение мягко колышущегося пламени свечи, стоявшей тут же на столе, рядом с черешней, про которую Митька совершенно забыл. На миг даже показалось, что отражение как-то поплыло вниз в Митиных глазах, к длинной реснице, и растаяло... Парень отвернулся, шмыгнув носом.

– Мить, честное ветеранское: это не имеет никакого отношения к храбрости...

– Но ты-то ведь тогда один на один с целым тигром оказался, и ничего – сам сказал..!

Митя осёкся, потому что где-то за окном послышался нарастающий свист. Кирилл Фёдорович скорее по его выражению лица догадался, чем сам услышал, что началось всё по кругу: опять и опять, снова и снова, в который уже раз за минувшие сутки.

За минувшие годы.

Снаряд разорвался, наверно, в трёх-пяти домах вниз по переулку. Митя резко прижал ладони к своим ушам и зажмурился, прошептав:

– Хоть бы не в Мусика, хоть бы не в Мусика, хоть бы не в...

Из прихожей они услышали твёрдый голос Аслана:

– Так! Все в подвал по лестнице, быстро! Ира, ты первая с Адамом – там внизу Иса поддержит. Тёщица, вы где? Тамерлан?

Даже теперь дед Кирилл не мог не отметить про себя какой-то особой теплоты, прямо-таки шуршащей в голосе зятя, когда тот произносил слово «тёща», и непроизвольно улыбнулся – ранее в своей жизни он не встречал ни у друзей, ни у знакомых такого бережного отношения к родне, особенно к женщинам. Всегда подтянутый, галантный и предупредительный Аслан порой вызывал у него тайное восхищение: ну, будущий кандидат наук, а как же! – им, видимо, по статусу положено такими быть. Вслух хвалить мужчин в семье было не принято: вызывать уважение и оказывать его окружающим у горцев, казалось, было в качестве дополнительной молекулы их ДНК. Впрочем, не только это, и не только позитивные молекулы – уж на этот счет умудренный войной и жизнью дед Кирилл иллюзий не строил.

Тамерлан подскочил на кровати, ринулся к дверям, потом резко замер и, обернувшись, спросил:

– Дед... ты..?

– Давай иди, иди, Митя, я тоже, я сейчас, – он осторожно приподнялся на постели и перенес ноги на пол. Ох уж эта немощь, эта одышка, эта постоянная боль в груди. И это нескончаемое бегство.

Митя скрылся в проёме. Кириллу Фёдоровичу не нужно было одеваться – они давно уже все спали в одежде. Последние два-три месяца ноги всё чаще отказывались ему подчиняться. «Лишь бы котелок продолжал варить, а то ведь всякое бывает», – часто думалось ему. На фоне регулярной в последнее время канонады он иногда ловил себя на ощущении, что находится в тревожном ожидании: вот сейчас к нему в траншею свалится сверху тяжелый продолговатый металлический предмет с массивным набалдашником, без чеки, без смысла, без шансов избежать неизбежное. Галка называла такие моменты приступами спутанности сознания, которые

начинали его действительно пугать. Да, лишь бы котелок не продырявился – не время сейчас, до Пятигорска бы дотянуть.

Кирилл Фёдорович выпрямился во весь рост и вдруг замер, пробормотав:

– Старый пень... надо было сказать ему. Конечно, надо было, вот я...

– Тесть мой, как вы тут? – на пороге появился Аслан – высокий, худощавый, собранный, с умными и, как всегда, внимательными глазами.

Второй взрыв прогремел чуть дальше первого, но в той же стороне – значит, метили направленно в одну точку.

Не долго думая, Аслан двумя шагами преодолел разделявшее их пространство и, аккуратно обхватив тестя спереди, приподнял его с видимой легкостью, невзирая на протесты подопечного, и мелкими шажками направился со своей ношей обратно, через дверной проём к подполу, где их уже ждал Иса, старший сын – точная внешняя копия Аслана, только моложе гораздо.

Там, под их недостроенным домом, в земле, было всё необходимое, чтобы переждать обстрелы и зачистки – Кирилл Фёдорович сам ещё в прошлом году укреплял свод и стены, возводил перегородки, даже вентиляцию с толком удалось проложить. Думали, урожай хранить будут. Сейчас провианта хватало, и тёплых вещей, и топчанов. Жаль было всё это оставлять тут на произвол и разграбление. Но детей и женщин нужно было эвакуировать.

Ту ночь они пережили, обошлось. Аслан утром ходил к брату узнать, как у тех прошло. За красным кирпичным забором, где ещё три года назад они вместе возводили кладку, всё оставалось по-прежнему, кроме одного – не было самого дома. Вместо него посреди широкого двора дымилась груда разбросанного кирпича, утвари и другого бесполезного теперь хлама. Никто из родных, слава Богу, не пострадал, по крайней мере – физически, и лишь старый кот Джохар неподвижно лежал под сенью абрикосового деревца. Но он умер от старости, как заверил Митю отец.

А дед Кирилл умер в Пятигорске две недели спустя. Отступление к Москве совсем подорвало его силы, и в последние дни он находился между реальностью происходящего и какой-то другой, из своего далекого прошлого. Когда сознание ненадолго возвращалось к нему, он пытался что-то сказать Тамерлану, но Аллах лишил деда Кирилла дара речи после той ночи, когда не стало Джохара. Всё, что у него получалось, это по-детски жалобно заглядывать в быстро повзрослевшие Митькины черты и нечленораздельно что-то мычать, немощно указывая на свои ноги. Все успокаивали его, пока, наконец, Тамерлан не положил конец никому непонятной суете деда, прошептав ему на ухо лишь несколько слов:

– Дедуля, я услышал. Ты рассказал мне тогда не всю правду про то, как с «тигром» повстречался. Но ведь к храбрости это не имеет никакого отношения, я знаю, ты мне сам говорил, поэтому не переживай. Всё будет хорошо, скоро приедем в Москву.

Кирилл Фёдорович благодарно ему кивнул и нервно улыбнулся, сжав костлявыми пальцами узкую ладонь внука. С тех пор его и отпустило.

А через три дня Там-Там горько плакал на могиле деда в одиночестве, когда все уже вышли за ограду. Необычный блеск он видел и в глазах старшего брата, но Иса плакал молча, стиснув зубы. Адам же ревел во всю – и по поводу, и без. Хотя к настоящему мужеству ничто из этого не имело никакого отношения.

Посмотреть бы только вот ещё в глаза тем, кто деда снова заставил воевать...

БУДЬ ГОТОВ

Где-то далеко, в памяти моей
сейчас, как в детстве, тепло,
хоть память укрыта
такими большими снегами...

Р.Рождественский

Я сидел на разошедшей от времени и перемен бурой дубовой скамье. Краска на ней давно перестала быть – она просто стёрлась, в ничто и в никуда. Но сам спил, казалось, всё ещё хранил тепло чьей-то энергии – тепло, передающее душевный покой и умиротворение; словно у дерева, давно срубленного и переработанного, засиженного людьми и изъеденного насекомыми, душа жила намного дольше и трепетнее, чем у вознесенного к высотам бытия жреца божественного культа.

Во мне не было ни печали, ни радости: лишь спокойная уверенность... в прошлом. Я провёл рукой по поверхности скамьи рядом с собой, словно поглаживая время, затем по отшлифованному сгибу, и, слегка нагнувшись телом вперёд, по тыльной шершавой стороне, и пальцы мои вдруг нащупали неровности, очевидно оставленные не природой: расковырненные гвоздиком или ножичком заусенчатые выбоины – скорее всего, буквы. Вася или Маша, пионеры или... Любопытство пересилило вальяжную расслабленность, и я, соскользнув с нагретого места, присел на корточки, задрал голову к деревянной доске и пытаюсь разобрать надпись на скрытом от всеобщего обозрения кусочке летописи.

ФЕТЬКА ПРИДУРАК

Я замер, не смея нарушить вдруг нахлынувший поток воспоминаний...

Любой из ребят, регулярно выезжающие на отдых вместе с друзьями в летние детские лагеря, подтвердит, что самое захватывающее время суток – это... первый час после отбоя!

И Фёдор это знал лучше других. Наигравшись за день на площадках загородного лагеря, он умудрялся сохранить ещё массу энергии после объявленного клича «Всем спать!». В голове постоянно рождались идеи, как это наискучнейшее занятие – укладывание в постель в компании своих сверстников – превратить в захватывающий поединок между сонным царством и всенощным бодрствованием.

– Давайте рассказывать страшные истории про чёрную-чёрную руку! – мог вызваться он в один вечер, а в другой предложить:

– Пойдём девчонкам жуков подкинем в постели!

При этом у него всегда наготове была баночка из-под клубники, привезенной на выходных родителями. В крышке непременно имелись прорези, а внутри, на самом дне, копошилась дюжина огромных майских жуков – и где он их только брал, уму непостижимо, но эти безобидные насекомые оказывались подчас в нужном месте и в нужном количестве. «Будь готов!», что называется.

Как-то раз, через час после отбоя, они с Семёном незаметно пробрались в спальню к девочкам, но только тихонько открыли крышку, чтобы выпустить жуков на волю, как за дверьми послышались тяжелые шаги проверяющего – сам директор частенько делал обход территории для выявления пионеров-негодников. Мальчишки, только лишь услышав его приглушенный голос на веранде, тут же метнулись под ближайшую кровать, столкнувшись при этом лбами – да так сильно, что перед глазами сразу посветлело, несмотря на тьму непроглядную в помещении, а звон в ушах, казалось им, готов был и мертвеца из могилы поднять. При этом

в целях конспирации ни единого звука не выдавилось из их плотно сжатых пионерских ртов. «Всегда готов!»

Но под одной кроватью им оказалось тесно, и, будто пара одурманенных отравой тараканов, они одновременно ринулись расплзаться в разные стороны под соседние койки, замерев под ними как раз в тот момент, когда дверь в спальню приоткрылась, и на пороге показались два светлых сандалия на босу ногу. Ничего выше этих сандалий Фёдору из-под кровати видно не было. Сандалии немного постояли, словно раздумывая над чем-то, а потом к ним добавились ещё и колени. «На корточки присел», – догадался Семён, а Фёдор в своём укрытии зажмурил глаза. Ему подумалось, что если он притворится спящим, то его просто оставят в покое – ну не будет же, в самом деле, директор лагеря будить посреди ночи спящего мальчика: это негуманно.

В этот момент, в сумраке тонкой полоски света с веранды, Фёдор заметил недалеко от правого сандалия крышку от своей баночки, выроненной во время недавней суматохи, и вспомнил про жуков.

Жуки, видимо, тоже про него вспомнили. Лёжа на животе под кроватью, он вдруг уловил их шуршание у себя на спине. А банка, которую он всё ещё судорожно сжимал в руке перед собой, была наполовину пуста. Если б он не знал, кто это его щекочет, то ощущения могли бы быть даже приятными. Но в том-то и дело, что он знал, и в панике дёрнулся кверху, совсем забыв, что там металлическая сетка кровати, на которой мирно посапывала Света, не догадываясь о происходящем внизу, под своим матрацем. Впрочем, она лишь слегка подскочила на постели, даже не проснувшись.

Яркий сноп света от фонарика резанул по его зажмуренным глазам, и Фёдор, больно ударившийся перед этим об импровизированный потолок, даже смог изобразить зевок, и потянулся на полу, пробормотав:

– Чего по ночам шастаете, спать не даёте?

Следующим высветился Сенька. В отличии от своего друга, он не притворялся ни спящим, ни случайно зашедшим на чашку чая под кровать прохожим – он просто в ужасе пялился на сидящего перед ним майского жука, не смея произнести ни звука.

– Выползаем все, живо! – донеслось до них гремучее шипение директора, и Семён сразу и не понял-то даже, кому выползать – жукам или им с Фёдкой. – Тоже мне, дети-индиго!

В тот раз им пришлось по-морскому мыть полы на веранде до полуночи: вожатый Дима от души выливал полное ведро воды, а они тряпками собирали всю эту воду назад в ведро, причем отжать нужно было ровно столько, сколько и вылилось. Хоть слезами добавляй.

Ночной труд облагораживает. После трёх вёдер они спали в своих мягких постельках, как сурки в норках, и даже утренний протяжный крик Светы, обнаружившей на своей подушке одного из обитателей Фёдкиной банки, забытого ими второпях накануне, не принёс им желанного удовлетворения – спать сильно хотелось, а руки-ноги ломило, будто это их ночью отжимали вместо тряпок

Пару дней Фёдор ходил тише воды и ниже травы, помня про упражнения с вёдрами под луной. Но природу не обманешь, а Фёдора не согнёшь – ближе к середине смены настала пора Больших Зубных Паст.

Как-то после полдника он подошёл к Семёну и с видом бывалого заговорщика подмигнул:

– Сегодня идём..?

– Куда? – не понял тот.

– Девчонок пастами мазать. Забыл, что ли?

Семён поскрёб затылок.

– С тобой как свяжешься – так обязательно влипнешь: или под полемойку, или под кровать.

– Трусишь? Слабо, что ли?

- А вот и нет! Спать сегодня хочу, вот и всё.
- Струу-сил, струу-сил, струсил! – запел Федька.
- Сам ты..! – и Семён побежал к футбольному полю.

Федя решил действовать в одиночку. Он бы мог, конечно, позвать ещё кого-нибудь из мальчишек, но тогда были бы нарушены условия конспирации. Ведь чем больше ребят знали о готовящейся вылазке, тем больше шансов, что информация достигнет стана противника, и девчонки будут готовы к его приходу, а это в пионерские планы никак не входило.

Весь вечер он вёл себя самым прилежным образом: убрался в своей тумбочке, привёл в порядок постель, аккуратно расставил обувь, включая резиновые сапоги на случай дождливой погоды, и даже зубы честно на ночь почистил, заметив при этом, кто из девочек какой пастой пользуется. После отбоя он одним из первых юркнул под покрывало в своей кровати и старательно изображал самое неподдельное желание отдохнуть и выспаться как следует после перипетий прошедшего дня.

Свет погас, и теперь было самое главное – не уснуть самому ненароком. Он прислушивался, как его товарищи рассказывали некоторое время разные байки про то да про сё, но постепенно разговоры утихли, и через некоторое время по комнате разносилось только мерное сопение, да порой половица скрипнет на веранде под легким шагом Ольги Валерьевны, охранявшей в ту ночь их покой. Через час и она должна была уже идти спать в свою комнату, и вот тогда настанет время действовать.

Фёдор ворочался с боку на бок, щипал себя за локти и тянул за волосы, даже пальцами глаза растопыривал – лишь бы не уснуть и выдержать этот самый тяжёлый период вынужденного ожидания. Поэтому-то вдвоём-втроём всегда веселей и легче – можно было бы ещё тихо поболтать, отвлекая себя от сонных мыслей. Но ничего, он справится. «Будь готов!»

Через час томительного ожидания, когда, казалось, даже совы уже уgomонились на деревьях, он осторожно, чтобы не скрипнуть пружинами матраца, поднялся с постели, достал из тумбочки заранее приготовленные и аккуратно сложенные три тюбика зубной пасты, забытые кем-то в умывальнике и предусмотрительно собранных им прямо перед сном. Свой тюбик использовать нельзя было ни в коем случае – это улика, и прошлым летом он так и попался, когда кто-то из девчонок его отряда сравнила все зубные пасты ребят с той, которой была выпачкана вся их комната, и вычислила Фёдора как основного виновника всего ночного беспорядка. Ну, ничего, теперь он ни за что не наступит на прошлогоднюю швабру! За одного битого двух небитых дают, так что – «Всегда готов!»

Тихонько прошмыгнув из мальчишеской спальни на веранду, Фёдор на цыпочках подкрался к двери напротив, приложил к ней ухо и прислушался. Внутри стояла гробовая тишина. «Спят, родимые!» – удостоверился он. Правила противопожарной безопасности запрещали закрывать комнаты на засовы или задвижки, поэтому мальчик без труда приоткрыл дверь, задержав дыхание и вслушиваясь в темноту. Всё было спокойно, и он вошёл.

Вначале на него сверху упал чей-то туфель, больно стукнув Фёдора по макушке – но он всё же изловчился и ухватил его, не дав грохнуться на пол. Потирая ушибленную голову, Федя смекнул, что девчонки, наверно, каждую ночь «включали» такую сигнализацию, пристраивая её к двери сверху на специальный гвоздь, больно и шумно срабатывающую на любое несанкционированное проникновение.

Затем, сделав пару неуверенных шагов вперёд, он чуть было не налетел на пустое ведро, расположенное прямо по проходу. Хорошо, хоть без воды.

«Целое минное поле устроили!» – с досадой пронеслось в его ушибленной голове. – «Нужно быть осторожнее». Он двинулся дальше и подошёл к первой жертве, доставая из подмышки нагретый тюбик с пастой. Со знанием дела Фёдор отвинтил крышку, выдавил радужную смесь себе на запястье, пытаясь определить – достигла ли она температуры тела? Удовлетворенный

результатом, он нагнулся над кроватью и выдавил тонкую полоску из тюбика на лоб, мочки ушей и подбородок первой девочки, которая даже не шелохнулась.

Закончив у первой кровати, Фёдор двинулся дальше по проходу, останавливаясь перед каждой для выполнения своей миссии. Наученный прошлым опытом и советами «бывалых» друзей, он сознательно избегал мест на лице рядом с глазами и носом, во избежание неприятных ощущений жертвы и запаха пасты во сне, способных их разбудить раньше времени. Также негласные инструкции запрещали наносить пасту на ступни ног. Да, в пионерском уставе это не прописывали, а напрасно...

Вдруг он замер, и внутри у него всё похолодело – из окна на него паялся серый силуэт в капюшоне с поднятой вверх клюкой. Клюка зловеще раскачивалась, словно угрожая ему расплатой, и вот-вот застучит по стеклу!

– Ой! – непроизвольно вскрикнул он и попятился от окна. Кто-то заворочался в постели, а Фёдор, упершись в спинку чьей-то кровати и вглядываясь в сумрак за окном, также неожиданно понял, что это куст сирени раскачивается от дуновения легкого ночного ветерка.

– У-ух,– облегченно выдохнул он и обвёл взглядом поле боя.

Все девочки продолжали мирно спать.

За десять минут Федя израсходовал весь свой арсенал и, старательно водрузив туфель назад на торчащий над дверью гвоздь, благополучно вернулся в свою кровать.

Ещё через минуту он уже спал, а на его лице сияла довольная улыбка. Он представлял во сне, как потешно будут выглядеть девчонки по утру – все со смеху попадают! Сенька обзавидуется его героизму.

Несколько часов пролетели как один миг, и он мог бы ещё долго наслаждаться предутренней негой, если б не странное ощущение тяжести на груди. Фёдор открыл глаза. Рассвет только-только забрезжил, создавая причудливые тени и силуэты на стенах и потолке. Потом его взгляд переместился ниже, и совершенно неожиданно чуть повыше своего живота он обнаружил... сапог. Это был настоящий резиновый зелёный сапог, удобно примостившийся поверх простыни. Мальчик недоуменно протёр глаза – с чего это сапогу вздумалось полежать на нём, Фёдоре, с утра пораньше?

– Кыш!– спросонья воскликнул он, смахивая его с себя.

Но упрямый сапог отпружинил и вернулся к нему, стукнув по локтю.

Не понимая, что происходит, Фёдор подскочил на кровати:

– Чтоб тебя..!

На соседней кровати Семён, подняв голову с подушки, проворчал:

– Федька, рано ещё сапоги одевать, дай поспать! Ты бы ещё куртку под простыней натянул.

Фёдор опять попытался скинуть с себя упрямый сапог, но тот повис на его руке, раскачиваясь, и как он не мотал его из стороны в сторону в проходе между кроватями, тот не хотел отцепляться.

Где-то за окном слышалось хихиканье. Фёдор повернул голову и обомлел – через стекло на него смотрели жуткие размалёванные рожи, делая при этом невероятные мимические выкрутасы носами, языками и ушами. Рож было три, и все похожи на черепа с торчащими клыками. Фёдор попробовал было запустить в окно зелёным сапогом, но тот снова, как бумеранг, вернулся к нему, не пролетев и метра, больно стукнув по лбу.

– Ой! – воскликнул он.

Рожи в окне исчезли, а в комнате мальчики стали поднимать головы с подушек, и слышались голоса:

– Федя, ты чего шумишь?

– Зачем сапог к руке привязал?

– ... он на резинке...

- ... чтоб не потерять, что ли?
- ... это он вместо рукавичек, наверно!
- Надо было ещё и второй тогда, к другой руке – вот уж точно не потеряешь!
- ... мои два тоже можешь взять, привяжи их к коленкам...

Фёдор вконец сбросил с себя сон вместе с простынёй. Ребята, кто проснулся, всюю уже над ним подшучивали, а он недоуменно уставился на привязанный резинкой, в два слоя, к его запястью сапог.

- Это ж... кошмар просто! – только и мог вымолвить он, озираясь по сторонам.

Он подтянул к себе сапог поближе. Это был его личный сапог. А на подошве чем-то белым выведено: «1-палата». Фёдор принялся – надпись была сделана зубной пастой. Вот уж он точно сейчас «вычислит», чья это паста, и кто это над ним так подшутил!

– Сенька, где твоя паста? – зловеще прошипел он в сторону товарища, корчившего рядом на своей кровати от смеха.

И, не дожидаясь ответа, выдвинул ящичек прикроватной тумбочки и достал оттуда тюбик, снял крышку и понюхал:

- Вот она! Я так и знал!!! Попался..!
- Федька, это ж твоя паста! – воскликнул Семён. – Моя – в нижнем ящике.

Фёдор посмотрел на тюбик – это действительно была его паста знаменитой фабрики «Рот Фронт». И его зелёный сапог. И даже резинка на руке была его – он ею мух на лету сбивал.

- Что же это получается? – недоуменно пробормотал он. – А рожи?!
- Ты на свою посмотри лучше!

Он подскочил к висевшему у двери зеркалу – оттуда на него глянуло изображение, почти идентичное тем, которые он только что видел за окном.

Он подтянул к себе болтающийся на резинке сапог, перевернул его подошвой кверху, и понял теперь, что в действительности означало написанное там сочетание.

Через минуту Фёдор заливался таким же весёлым и добродушным смехом, что и все обитатели их корпуса.

– Расплата, – пробормотал я, бессознательно улыбаясь. Метрах в пяти от этой скамейки возвышалась беседка, словно сторожевой пост. Но она уже не была той, в которой они стояли когда-то дежурными, встречая на выходных родителей – чужих и своих, с огромными сетками-авоськами, разглядывая привезённый в счастливое детство провиант. Та, родная, уже давно перестала быть – от старости и перемен.

– Фёдор Анатольевич, ваше слово! – услышал я уважительный призыв в голосе своего ассистента откуда-то из-за покосившегося забора.

А клуб тот же, и столовая. Надо будет подправить перекрытия, кое-где стены, полы... и одновременно новые корпуса можно начинать строить: с отдельными душевыми кабинками, компьютерными комнатами, багажными чуланами – нынешние дети не воспринимают пионерскую романтику, да и незачем им, право слово. Новые русские горазды были на корпоративы, а вот на детей ума, видимо, не хватало, поэтому и вымираем, как клопы в закромах барахольщика.

Ну, стало быть, теперь старых русских черед.

Всегда готов, да...

ОФОРМИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА

Как страшно жизни сей оковы

Нам в одиночестве влачить.

Делить веселье – все готовы:

Никто не хочет грусть делить.

М.Лермонтов

Он смотрел на мелькавшие за окном автомобиля постройки, запорошенные недавним снегопадом, и окна, в которых кое-где уже начинали включать освещение.

Темнело.

В салоне автомобиля было изрядно натоплено, и Виктор почувствовал, как футболка под его дед-морозовой бархатной мантией на синтепоновой подстежке стала пропитываться потом.

– Серёга, а нельзя ли убавить печку? – попросил он водителя.

Тот молча что-то повернул на приборной панели.

«Не хватало только сейчас выйти мокрым наружу и схватить пневмонию», – подумал Виктор, перекладывая свой «рабочий» посох в другую руку. Реквизит длиной был под метр-семьдесят, и в машину входил лишь по диагонали с пассажирского переднего сиденья, а потому путешествовать с ним было не ахти как удобно. Хорошо, хоть мешок умещался в багажнике. Снегурочку бы ещё туда упаковать...

– Серж, долго ещё? – подала голос она рядом.

Галке было за тридцать, и врожденная статность и миловидность помогали ей удерживаться в «новогоднем» бизнесе уже несколько лет после того, как из него выпорхнула её последняя коллега-ровесница. Но на заднем сидении с ней и с посохом было тесновато, а переднее пассажирское занимал электронно-технический реквизит, который в багажник не упакуешь.

– Навигатор показывает: сейчас, за этим поворотом, – ответил водитель.

Виктор впервые в своей дед-морозовой карьере ехал на праздник в интернат для детей-сирот. Как-то раньше не сподобилось: всё больше частные садики, школы, иногда даже мелкие фирмы, а вот в детдоме бывать ещё не приходилось.

С Галкой работать было легко – опытная, артистичная, двое своих малышей – Виктор с ней словно наяву становился реальным Дедом Морозом: так она могла увлечь. Сразу всё получалось, всё само клеилось, даже импровизации не зависали. Но в жизни они не особо ладили. С другой стороны, и повода не было ладить-то: встретились, отрепетировали, разбежались; встретились, отработали, разошлись – чего им делить? «Оформите, пожалуйста!» – вот и всё. После отработанных часов Галка всегда спешила домой, часто за ней муж приезжал к последней адресной «точке».

А Виктору сильно спешить было и некуда – семьи не было; при этом пить – так он не пил, курить – не курил, молчун-молчуном вне образа, а, стало быть, повода и задерживаться на работе для себя не видел. Нечисть дома была в зимней спячке, и за неё он не беспокоился. Пойти по гостям – да не к кому. И не с кем. Как-то не складывалось. Иногда ему казалось, что те роли, которые он играл на сцене в маленьком театре и в залах по «коммерческим» приглашениям – они и были его сутью, его многоликим «я». Глаза зрителей служили наградой, глазки Нечисти – признанием, а глазок в дверях – ожиданием, которое вот-вот грозило перерасти в вечное...

– Приехали! Парадный здесь. Не забудьте оформить.

Интерьер детского дома разительно отличался от тех, что он привык посещать по работе. В первое же мгновение в нос ударил запах: аромат кухни, где всегда готовили много. Вперемежку с запахом чистого белья. И каких-то лекарств. Этот запах странным образом его тут же будто окутал и вызвал в памяти такой же примерно маленький коридорчик, лестницу с низкими перилами и маму, которая уговаривала: «Витя, ты уже взрослый и понимаешь, что когда дети болеют, их оставляют в изоляторе. Я после работы обязательно тебя заберу!» И он – совершенно не желающий ничего понимать, совершенно не желающий никаких изоляторов и никаких болезней – он просто хочет быть с мамой, дома. И поэтому гундосит сквозь сопли и слёзы: «Мамочка, не уходи, ну пожалуйста, мамочка моя..!»

– Виктор, чего встал? – вдруг вывел его из оцепенения голос сзади.

– А? Да, да, иду...

И здесь, в этом кирпичном тёплом здании брежневских времен, было на удивление тихо: никто не бежал их встречать, никто не свешивался с перил крохотных межэтажных площадок, никто не спрашивал про подарки. На стенах висели детские рисунки – где-то яркие и красочные, а где-то хмурые и очень-очень-о-своём.

Но их ждали!

Галина, по традиции, начинала первой. Здесь они должны были отработать по несколько сокращенной, «бюджетной», на их слэнге, программе, поэтому Виктор просто постоял несколько минут за дверью, облокотившись на чисто выкрашенную голубую стену, с трепетом вдыхая давно забытый запах советских яслей. А когда настал его черёд появиться, то был удивлен внутренней теплотой, царившей по ту сторону двери.

В просторном и по-праздничному прибранном зале стояла невысокая, но со вкусом наряженная ёлочка: без излишеств, с минимумом необходимой мишуры, переливающаяся весёлыми огоньками. Дети сидели на стульчиках и в креслах вдоль двух разрисованных снежинками стен, и дружно захолопали при его появлении. Вначале он никак не мог сообразить, что же выбивалось из общего привычного фона, и с воодушевлением наслаждался ролью доброго и заботливого Деда Мороза. Детские глаза, как обычно, были полны простодушного восторга. Ребята также дружно водили хоровод, прыгали, смеялись – лишь возраст не был у всех одинаковый, но и это в их специфичной среде дед-морозов считалось нормальным, при обилии-то частных «урезанных» садиков. Только к концу представления его осенило – резко, неожиданно, он даже запнулся на какой-то фразе, но при профессиональной поддержке Снегурочки это вышло не то чтобы незаметно, а вполне в тему и очень забавно.

В этом зале не было искренне улыбающихся, слегка озабоченных успехом каждого из маленьких участников, лиц.

Дед Мороз готов было вскричать размеренным речитативом: «А-где-же-ва-ши-ро-ди-тели?! Ну-ка-да-вай-те-ка-мы-их...» Но вовремя осёкся и выкрутился, заменив фразу какой-то... ничего не значащей... в этой... игровой ситуации... репликой.

Позже, сидя в детской раздевалке на низкой скамеечке и переводя дух, посреди деревянных, покрытых светлым лаком кабинок, он вспомнил и этот эпизод, и восхищенный взгляд Галины, который, казалось, говорил: «Браво, маэстро! Браво, ты гений!»

Ребят после представления увлекли в столовую, Галка пошла оформлять акты в директорский кабинет, а он, движимый непонятной и жгучей до слёз ностальгией, заскочил в эту пропитанную детскими надеждами комнатку и сидел, рассматривая сиротливо выставленные для чьего-то обозрения поделки: пластилиновую лепку, комбинированные натюрморты, наклейки, раскраски.

Неожиданно в одной из кабинок что-то зашуршало, и дверца медленно приотворилась. Сквозь образовавшуюся щель Виктор различил маленький нос и блестящий глаз, пылливо уставившийся на него.

Борода, парик и шапка Деда Мороза лежали рядом на скамеечке, посох с мешком ещё раньше унёс в машину Сергей. Глаз словно в одно мгновение воспринял, оценил и передал по назначению всю эту информацию, потому что тут же последовал результат анализа, в качестве констатации:

– А я же знал, что ты не Дед Мороз.

Виктор понял, что самое глупое, что он мог сейчас сделать, так это нахлобучить назад реквизит и прикинуться, что так и было задумано. Поэтому он просто почесал вспотевшие под париком свои настоящие и только начавшие сесть на висках волосы, и ответил:

– А на кого я тогда похож?

Дверца медленно отворилась, из кабинки появился мальчик – маленький. Судя по правильной речи из щелочки, Виктор почему-то ожидал увидеть кого-нибудь повзрослее. Или, по крайней мере, повыше ростом. А мальчик будто бы и не намного был крупнее домашней Нечисти Виктора, которая, как и все черепахи, казалось, постоянно занимала всё свободное пространство в квартире.

– Ты похож на моего папу, – сказал черепашонок, неподвижно стоя в трёх шагах от несостоявшегося на сей раз Деда Мороза.

Виктор замер. Он, не мигая, глядел малышу в глаза, и будто погружался в пучину невысказанных пожеланий, неподаренных трансформеров и вечного ожидания, такого знакомого и беспощадного. Как прозрачный кружочек на входной двери его квартиры.

Вдруг малыш засуетился: он подскочил на лавочку, достал с крышки одной из кабинок пластилиновое чудовище, и затараторил:

– Ты знаешь, это трицератопс, они обитали в мезозое, я его недавно только слепил – представляешь, у них по три рога на морде были, и костяной воротник из шеи торчал! А ещё они воевали с тираннозаврами – это были са-мы-е-при-са-мы-е в мире хищные динозавры! А трицератопсы питались только травой и листьями с кустарников – ну, откуда у них взяться мускулам-то? Но всё равно они стойко переносили наскоки хищников и оборонялись, как могли, а часто даже побеждали...

Ребёнок говорил и говорил, словно опасаясь, что его остановят, и это разрушит возникшую на мгновение простодушную детскую иллюзию. Виктор видел, что на самом деле малышу, наверно, некому было поведать удивительную историю о динозаврах – все уже слышали её сотни раз. И ещё ему, наверно, хотелось передать, что этот запах, переполнивший Деда Мороза давно забытыми ощущениями и переживаниями, в реальности совсем не настоящий, не домашний, а казенный, пропитанный тоской и повторяющийся изо дня в день...

– ... ты меня слышишь?

– Да. Да, слышу... Откуда ты узнал?

Мальчик, наконец, посмотрел на взрослого прямо и открыто, помолчал немного и затем сказал:

– Я тебя уже пятый новый год здесь жду. Кем же ты ещё можешь быть?

Виктор закрыл лицо руками, затем тут же опустил их, и тихо произнес:

– А я всё дорогу искал и никак не мог найти.

Мальчик ещё постоял мгновение, затем нерешительно сделал шаг в его сторону, потом другой. Виктор как-то неуклюже раскрыл руки, и ребёнок, бережно поставив своё изделие на скамейку, доверчиво прижался к его бархатной красной мантии, обхватив ручками за шею:

– Я тоже недавно заблудился. Тут, в интернате. Но это не страшно. Я знал, что ты придёшь. Уже не страшно.

Виктор сильнее прижал к себе малыша.

Где-то открылась дверь, и до них донесся свежий, ни с чем несравнимый аромат новогодней елки, перемешанный с запахом мандариновой кожуры.

Детские мечты – они сбываются. Обязательно. Даже если кто-то давно перестал быть ребенком, но сохранил их в себе. Если верить хотя бы в это, то жизнь вдруг окажется не такой уж и пластилиновой.

– Я познакомлю тебя со своей черепахой.

– О, а ты знаешь, что они ещё древнее, чем динозавры?

– Да ладно!

– Ну, может, ровесники, но ведь они **ДО СИХ ПОР ЖИВЫ!!!**

– Это точно, ещё как живы! Не верь, если кто-то скажет, что они медлительные – моя Нечисть – так её зовут, хм! – всегда оказывается впереди меня и на кухне, и в туалете, и даже в ванной, представляешь? – всегда под ногами!

– А правда, что у неё красные уши?

– Надо бы приглядеться...

– А правда, что она зимой спит?

– Не проблема – к ней всегда постучаться можно: дверь-то круглый год у неё на спине!

– И она проснётся?

– Было бы неприлично не поздороваться с новым хозяином, как считаешь?

– А... правда..?

В проеме двери мелькнула высокая фигура Галины, затем Виктор услышал её удаляющийся вниз по лестнице голос:

– Я всё оформила!

Он крикнул ей вслед:

– Классно! Теперь моя очередь!

Взявшись за руки, они с малышом двинулись в сторону директорского кабинета.

– Ты думаешь, панцирь черепахи сохранился в том же виде, что и был в мезозое? Как воротник цератопсов?

– Мне кажется, что он стал даже ещё более прочным – сколько им пришлось пережить за всё это время!

– Закалился, что ли?

– Типа того, ага... А ты закаляешься?

– Конечно! Каждое утро влажные обтирания махровой рукавичкой. А ты?

– Я-то? Да, вот, как-то, знаешь...

– Ничего, я тебя научу, это не страшно! У тебя же найдется махровая рукавичка? Ну, или полотенце сойдет, на крайний случай...

Новогодняя ёлка щедро дарила свой свежий и ни с чем несравнимый аромат – запах скрытых надежд и загаданных добрых желаний.

ЛАБИРИНТЫ

Я копаюсь на помойках, как червяк,

С детства жизнь моя наперекосяк,

Канализационный люк – моя дверь,

Но я счастлив по-своему, поверь!

Ю.Клинских, «БОМЖ»

– Бежим, Сеня, бежим!!! Убьют же...

Камень с острыми краями, размером с куриное яйцо, с гулким звуком **ударился** о спину Лёхе чуть ниже лопатки. Семен краем глаза увидел, как тот, вскинув руки, чуть не упал, чертыхнувшись, но удержал равновесие и с обезумевшими от страха глазами ринулся дальше вперёд, шваркая разбитыми кроссовками по искореженному асфальту. Его собственные ботинки не по размеру были настолько тяжелы, что ему стоило огромного напряжения перемещать их в беге, и он опасался, что в итоге совсем потеряет их, но времени на заботу об удобствах сейчас не было: он что есть сил бежал вперед, стараясь увеличить разрыв между собой и преследователями, уже не глядя на приятеля, который заметно отставал, тяжело дыша где-то сзади. Вдруг над своей головой он скорее почувствовал, чем услышал резкое движение воздуха и звук, похожий на свист, и еще один камень ударился о землю прямо перед ним, чудом не задев его голову.

Семен глядел вперед сквозь патлы, в которые превратились за последнюю неделю его волосы, сбившиеся сейчас ему на глаза: он знал это место – еще метров тридцать, и за углом старого кирпичного здания общежития покажется заброшенная котельная, а недалеко от завалившегося входа есть колодец, и если они успеют добраться до него до того, как настигнут их преследователи, то в нем можно будет спрятаться – туда за ними никто не решится спрыгнуть.

Лёха пыхтел в двух метрах позади, но не отставал. Они оба уже почти задохались, когда, наконец, обогнув угол из красного потрескавшегося кирпича, увидели перед собой одноэтажную постройку такого же типа, как и полуживое общежитие, с зияющими проемами вместо окон.

– Сюда, Лёх, сюда! – крикнул он, направляясь к проёму, который раньше был дверью.

Лёха, ничего не соображающий от боли, страха и усталости, покорно влетел вслед за ним в смердящее помоями и испражнениями место. Семён замер на мгновение, опершись рукой о мелованную стену, переводя дух и озираясь по сторонам. В дальнем углу заваленного мусором помещения на стене он заметил красную стрелку, указывающую вниз, с какими-то буквами, до которых ему не было дела – он интуитивно ринулся туда, перескакивая через старые коробки и пакеты, наполненные битым стеклом, пустыми консервными банками и еще Бог весть чем. В углу, под ворохом тряпья, которое он отпихнул ногой в сторону, его глазам предстал люк.

– Помогай... давай, Лёха! – крикнул он через плечо, пытаясь сдвинуть тяжелую чугунную крышку с гравировкой "1975".

Лёха, сложившись чуть ли не вдвое, присоединился к нему, и они на одном адреналине спихнули в сторону тяжелый люк, когда услышали у входа матерные выкрики и возбужденные возгласы:

– Вон они, братва! Там, в углу копошатся!

Лёха первым проскользнул в черное отверстие, и Семён услышал, как тот с грохотом приземлился на твердый пол. В угол, где он оставался еще на поверхности, с треском канонады посыпались камни и обломки предметов, валявшихся в изобилии на полу.

– Фу, вонь какая! – несло со стороны нападавших.

Семён, прикрывая рукой голову, протиснулся в узкое отверстие, нашарил ногой ступеньку, опёрся о неё, и, скрючившись, из всей силы уперся спиной и затылком в наполовину сдвинутый в сторону чугунный диск. Тот поддался усилиям и сдвинулся назад в пазы, оставив Семёна в кромешной тьме. Откуда-то снизу раздался запоздалый крик Лёхи:

– Осторожно!!!

Нога Семёна соскользнула с выемки колодца, и он больно грохнулся на пол, подняв столб пыли, которую не видел, но почувствовал в носу и на потрескавшихся губах.

– Сенька, ты живой? – спросил его товарищ в темноту, а затем, пошарив в карманах, достал зажигалку и чиркнул ею, осветив пространство вокруг себя.

Алексей встал на ноги, потирая колено, поднес пламя зажигалки к свечке, которую вынул из другого кармана, и та зардела, отбрасывая плавающие тени на стены коллектора. Семен сидел, оторопело глядя на товарища. Лёха толкнул его легонько в плечо:

– Ты чего, придурок, головой что ли треснулся?

– Да, вроде. Задницей больше.

– Чего делать-то будем? Вон там проход какой-то есть.

Семён, наконец, вышел из оцепенения, встал и подошёл к отверстию в стене, сквозь которое можно было пройти, лишь слегка пригнув голову: оно было широкое и тёмное. Где-то в его недрах был слышен шум воды, и пахло сыростью.

Сверху слышались приглушенные голоса, явно раздосадованные их исчезновением, буквально, под землю. Лёха поднял голову вверх по направлению к беспорядочным шагам и истерическим выкрикам, доносившимся извне.

– Быдло, – прошептал он.

Его приятель усмехнулся, почесав щетину. Алексею это не совсем понравилось, и он уже громко повторил:

– Все они – быдло, если ты еще этого не понял. Без мыслей и без сомнений. А сожалеть начинают, только когда к их горлу острое стекла приставишь, и сожалеют только о том, что первыми тебя не придушили. А за что меня душить, или тебя, скажи! Потому что мы не живём в квартирах? Шаримся по помойкам?

– Мы воняем, – как-то неуклюже предложил свою версию Семён, осторожно вступая в темный проход тоннеля. Сверху суета уже была где-то вокруг люка.

– Собаки бездомные тоже воняют, – резонно заметил он. – А их жалеют.

Под ногами у них хлюпала жижа из пыли и конденсата.

– Тебе же бросают в шляпу мелочь – значит, тоже жалеют.

– Хрен там. Это они у Бога грехи отмаливают, сейчас же все в веру ударились, – не унимался Лёха.

– Глупости. Милостыню на улицах как раз и дают те, кому не жалко. А не жалко тому, кому и терять-то особо нечего. Сам не замечал разве?

– Замеча-ал, как же, – согласился Алексей. Он оперся о бетонную стену, покачнувшись: она была холодной и скользкой. Семён, ссутулившись, уверенно шлёпал вперёд, как будто по дороге на работу, куда ходил каждое утро последние пять лет кряду.

– А эти, шпана – они просто боятся.

– Чего меня боятся-то?

– Да они не тебя боятся, Лёха – ну кто тебя заботится, сам подумай! – они боятся неизвестности, которую ты – мы – для них олицетворяем, вот и всё. Неизведанная сторона жизни. Так же и покойников боятся.

- Во, блин, сравнил!
- Ну, уголовников – если тебе легче от этого.
- Не легче.

Поодиночке они ж не нападают, а только так, стайей – командный дух вырабатывают, видать.

- Это точно.

Чем дальше они углублялись, тем теплее становилось. Алексею даже показалось, что направление их движения стало даже немного уходить под горку, по наклонной: он смотрел на отблески свечи, отбрасываемой на сырой потолок с проглядывавшей местами ржавой арматурой, и замечал искривление света относительно воображаемого горизонта. Сквозняка не чувствовалось, но дышать можно было свободно. Они приблизились к месту, где начиналось разветвление: вправо уходила такой же по размерам тубинг, а влево шел пониже и более узкий рукав.

- Куда пойдем? – спросил Семён. – Отшагали уже метров тридцать, наверно.

– Направо пойдешь – в дерьме утонешь, пойдешь налево – туплю потеряешь: выбор-то небогат.

Сзади раздался скрежет металла.

– Они что, решили всё-таки спуститься? – спросил Лёха, напряженно вглядываясь через плечо назад.

Там, откуда они только что вышли, забрезжил свет. Семён тоже остановился, обернувшись в сторону коллектора.

– Не думаю. Наверяд ли у них с собой фонари, а свечи они точно в карманах не таскают, уж будь уверен.

- А вдруг хватит дури с зажигалками..?

Они услышали крики:

- Эй, уроды, вы здесь?

Алексей вознамерился было что-то ответить, но Семён схватил его за руку чуть повыше локтя, приложив палец к губам, и прошептал:

- Тоже умничать собрался?

Наверху не унимались:

– Уроды, мы вас выкурим – выползайте из своей норы по-хорошему. Попинаем слегка, да отпустим.

Алексей стоял, понуро опустив плечи, вслушиваясь в голоса. Он нервно поглаживал пальцами скудную бороденку. Семён показал ему жестом на правый рукав канализационного прохода, и они двинулись дальше. Он сказал приглушенным голосом:

- Не обращай внимания. Тебе это надо? Или что-то новое и полезное хочешь услышать?

Лёха пожал в полумраке плечами и покорно пошел за Сенькой вперед.

Выбранный ими рукав вскоре привел их к небольшой округлой площадке, в центре которой накренная лестница поднималась к очередному люку.

- Ты знаешь, где мы? – спросил Лёха.

– Думаю, что отмахали метров сто уже от котельной, – ответил Семён, вглядываясь в потолок. – Я посвечу, а ты приложи ухо к крышке – может, услышишь что-нибудь.

- А сам чего..?

– Ты легче, Лёха, посмотри на перекладины, – он потрогал влажный металл, покрытый ржавчиной, – меня могут и не выдержать.

- Меня, значит, выдержат, – проворчал Алексей, пробуя ногой нижнюю ступеньку.

- Тебя ловить легче. Давай, я поддержу!

Лёха с опаской начал медленно подниматься кверху. Посредине он замер и спросил:

- А чего слушать-то?

– Да хоть что-нибудь: машины, голоса, шаги – чтобы определить, где мы. Что не понятно? Может, мы бродим вокруг общаги, и сейчас выползем прямо перед теми ублюдками – хочешь повстречать их снова?

– Не-а, – с этим лаконичным ответом Лёха как-то воодушевленное продолжил своё само-забвенное восхождение кверху.

Перекладыны лестницы под его шестьдесятю килограммами недружелюбно скреже-тали, и на самом верху он притаился, опасаясь слететь вниз, но сподобился всё-таки приложить ухо к чугуну. С полминуты он вслушивался, а потом объявил:

– Тихо, как в могиле.

– Сплюнь.

– Может, просто не слышать ничего?

– Да этот чугунный диск над твоей башкой – как локатор в небе: всё должен принимать и отражать.

– Откуда тебе нафиг знать?

– Да так... знаю, и всё.

– Ну и чего делать-то будем?

Семён помолчал, раздумывая, затем ответил:

– Подождать нужно. Сейчас сколько время? Около десяти вечера, наверно. Там уже похолодало, так чего нам вообще туда выползть?

– Так на базу надо, там же и жарка, и манатки все...

– Да ладно, помрешь, что ли, если не поужинаешь? А на манатки твои никто и не позарится.

Алексей попробовал было плечом приподнять крышку, но сил у него оказалось маловато для такой затеи, и он её оставил, спустившись осторожно вниз. Оглядевшись, Семен обнаружил у стены сваленные в кучу алюминиевые и фанерные коробки из-под каких-то деталей: видимо, недавно в этом тубинге что-то ремонтировали и, как всегда, оставили после себя реквизит. Он перевернул пару ящиков, смастерив своеобразное кресло, и растянулся на них, разминая уставшие ноги. Алексей последовал его примеру.

– А сколько ждать-то будем? – спросил он, располагаясь рядом.

– Да отдохнем маленько, и двинем дальше, – заверил его Сеня, закрывая глаза. Свеча мерно горела на полу между ними, откидывая на стены причудливые тени.

– Ты сам откуда? – немного погодя спросил Семён.

– Местный я, из Черёмушек, – откликнулся Алексей.

– А как на улице очутился?

– А как мы все сюда попали? Кого водка, кого жадность, кого что...

– Жадность-то при чем тут?

– Да вот при всём: хотел я двухкомнатную вместо своего барака, и чтоб подороже продать и подешевле купить – как все, в общем. Только не всем везёт. Тогда-то не знал еще, что для таких предприимчивых уже специальная бригада создана – рыщут по объявлениям, прозванивают, встречаются, беседует, а вроде как и порядочные, приличные люди, понимаешь? Мне вот, например, сумели втолковать, что есть один покупатель, который хочет обменять свою двухкомнатную на частный дом – ну, дескать, любовь у него безумная, а женщина капризная, так он хочет поближе быть к ней. Даже показали мне бабу по нашей улице, и хахаля этого. Конечно, у меня глаза от такой удачи на лоб полезли, сам посудите: обменять барак на отдельную квартиру с чисто символической доплатой! Это потом только я прочухал, что это специально для меня они спектакль разыграли – женщина-то настоящая, а мужик подставной: прилично одетый, с сединой и бородкой такой – профессорской. Он просто на моих глазах, видать, клеился к ней, а со стороны впечатление было, что ухаживает: цветы дарит, под ручку водит. А потом и ко мне на переговоры пришел: выручай, мол, я уже год здесь сторожу жильё на продажу, и ты – моя

находка и спасение всей жизни. Могут они, конечно, найти гнилушку в человеке: не лестью, так деньгами, не деньгами, так напором – в общем, ударили мы с ним по рукам. У меня были, конечно, кое-какие сомнения, я даже к юристам хотел сходить, но риэлтер сказала – это женщина была, тоже приличная вся такая, прикинь? – что, типа, давай-давай, ты на сделке хорошо сэкономишь, как раз хватит на гонорар юристу; вот я и не пошел.

– Ну а бумаги-то сам подписывал? Не глядя, что ли?

– Да ведь они у меня доверенность взяли, вроде как на ведение дел по подбору вариантов, к нотариусу водили – я до сих пор не знаю, что это за нотариус. А потом оказалось, что – фьюить! – свою-то продал, а взамен купил квартиру в давно снесенном здании. Только документы по продаже оформили в управлении юстиции, а по покупке на следующий день – опять у нотариуса, у другого только, который и нотариусом-то не был, очередная подстава, в общем. И сколько не ходил по конторам да по участкам – всё без толку: документы по продаже оформлены правильно, повода к расторжению нет, а покупка – просто ничего не значащая бумажка; две разные сделки, факта мошенничества не усмотрено, возбуждению не подлежит – вот и вся правда.

– А родственники?

– Жена ушла ещё в молодости, дочь где-то с ней есть – но кому я сейчас такой нужен? Не жене – это уж точно, а дочке сейчас семнадцать только, а как я приду к ней бомжом и скажу: вот, родная, принимай отца-археолога, только что из-под земли вернулся; а всё, что мать про меня нагородила – чушь. Так, что ли?

– Пожалуй, так не прокатит.

– Да никак не прокатит. Думаешь, я не ломал себе голову? И к одним сунулся, и к другим, и к третьим – да кому нафиг это надо? На работе жить пытался, барахло в служебном гараже пристроил, так его растащили – не мог же я дежурить там круглосуточно.

– А ты кем работал?

– Водителем.

– И что, уволили?

– Три месяца тормозили с пропиской, а потом извинились, сказали, прости, Петрович, хороший ты человек, но без штампа. А меня потом всё это так достало, сил не было – хотел удавиться, да не смог: жадность опять остановила, жадность до жизни, ради неё только и не удавился тогда. А человек – он ко всему привыкает, и к колодцам тоже.

– Да-а, не повезло тебе.

Алексей продолжал:

– А мне иногда охота в тюрьму – по зиме особенно.

Семён взглянул на него с интересом:

– И как – получалось?

– Не-е, в самый последний момент думаю: ты, дурак, что собрался сделать? И всё, на месяц успокаиваюсь. Потом опять то же самое, и так уже четыре года.

– Ё-ё, – протянул Семён, – я столько не выдержу.

– А куда ты денешься? – спокойно ответил Лёха. – Я тоже поначалу думал, что не выдержу и месяца, а потом... – он махнул рукой и отвернулся.

Семёну показалось, что его товарищ плачет – тихо, по-собачьи. Он ничего не стал больше говорить и молча лежал, перебирая в голове обрывки своих детских воспоминаний: двор, детский садик, футбол, что-то из школы. Это было похоже на калейдоскоп, переворачиваемый в руке: кусочки мозаики складывались в разнообразные картинки, но цельного сюжета не проявлялось. Он снова лёг на спину и увидел на потолке каплю конденсата, собирающуюся оторваться от поверхности и устремиться вниз, прямо к его лицу. Семён закрыл глаза и напряг изнутри своё зрение, пытаясь сквозь веки уловить очертания этой капли, заставить её замереть,

в то же время ожидая ощутить на своём лбу легкий "чпок" от её прикосновения, но ничего не происходило. Он помолчал минуту, а потом произнес:

– Лёха, а ты не переживай особо-то – живы, и слава Богу, у многих и этого нет.

– Да я привык уже, чего тут переживать? Гнобит только, что до конца дней своих по колодцам придётся шастать – это ли жизнь? А так сидел бы я сейчас на кухне в своей берлоге, ругался бы с Люськой, ворчал на бабу Свету – вечно надымит папиросами на всю квартиру: ей уже под девяносто, а пыхтит, как паровоз.

– А ты курил?

– Да попробовал пару раз – ничего интересного, лучше стакан водки накатить. А ты?

– Нет, наверно. Да и где бы теперь на это еще деньги брать – на пожрать бы чего наскрести, не до сигарет уже.

– Это точно. У меня тут, кстати сказать, от батона немного осталось, – он достал из кармана куртки кусок батона, завернутый в целлофановый пакетик, – перекусим, может?

– Давай, – с благодарностью согласился Семён и подсел поближе.

Батон пах выпечкой, и его приятно было ощущать у себя во рту, тем более в контрасте с окружающей плесенью.

– А ты что всё молчком да молчком? Или думаешь, мне не понять? – спросил Алексей, жуя свой кусок.

– Ничего я не думаю. Это в тюрьме за жизнь трепятыся, а мы вроде как на свободе. У тебя своё, у меня – моё.

– Типа как в Библии?

– Типа как на воротах Бухенвальда.

Помолчали. Вдруг Семён сам начала рассказывать:

– Я сам с Ельца – слышал о таком, на Азовском море? Семь лет назад подался на заработки на Дальний Восток, повертелся в коммерции одно время во Владике (там тоже море), потом перебрался в Хабаровск. Женился, дочь родили, японскую машину купили – с этим там вообще просто. Хабаровск – купеческий такой, размеренный, коммерсантов много. И все доверчивые, как дети. Во Владивостоке не так. В плане, что коммерции больше, но люди зубастее – ты им ступню, а они по колено оттяпают – акулы, одним словом. Там и с квартирой тяжелее. Устроился сперва страховым агентом, но не клеилось особо, через полгода на продукты питания перешел.

Ещё не так давно был территориальным представителем одной крупной московской конторы. Вернее, офис и завод у них в Красногорске. Работа-то в принципе не пыльная: развивай клиентскую базу по рынкам да торговым центрам, собирай заявки на бакалею, пересылай в головной офис, потом товар приходит, ты его встречаешь, организовываешь доставку, работаешь с претензиями – в общем, если язык на месте, а не там, где обычно у тебя, Лёха, то можно зарабатывать приличные деньги. А чем больше зарабатываешь – тем выше потребности. Тут ещё кредиты на всех обрушились – бери-не-хочу-всё-равно-возьмёшь. Богадельня по всей стране, в общем. Через два года мы уже оформили ипотеку на "вторичке"...

– Это что?

– "Вторичка"-то? Это всё, что не новостройка. Дешевле, да и банки под них легче на кредитование идут. Но сам понимаешь – не в голой же да разбитой квартире жить? Нужен ремонт, нужна мебель...

– Да? То-то она нам теперь прямо-таки необходима.

– Теперь... да что теперь! Год назад и теперь – это как две разные жизни. Если ты только одеколон советский пил и заборы на дрова разбирали в своём Озёрске, или где там... – то, собственно, какая тебе разница: там же прозябать или здесь, в коллекторе? Поменял шило на мыло. А свобода с деньгами, да в бизнесе... Тоже палка о двух концах – кого-то вытягивает наружу, а кого – закапывает в землю.

– Денег много у тебя было?

– Лёха, деньги сами по себе – это бумага с картинками. И много этих бумаг или мало – тоже относительно, это, может, для тебя важно. А для деловых людей важна в первую очередь перспектива – как эти бумажки обернуть, чтоб они приросли сами по себе, как снежный ком. Это игра, в какой-то степени.

– Только в колодце в неё не особо-то поиграешь.

– Да уж, тут точно не развернуться.

– А ты, видать, не за тот конец свою палку держал, когда бумажки с картинками ворошил.

– Не тем? – повторил Семён. – Верно, не тем. Кредитов понахапал, сделал ремонт, прикупили мебели, а тут... компания закрыла представительство – логистика с запада на Дальний Восток им стала дорого обходиться, местные производители тоже засуетились, поднялись, цены посбивали... а тут ещё этот кризис – новую работу не найти практически, все издержки сокращают, от балласта избавляются. Полная засада, короче. Чтобы не потерять квартиру, продал машину, даже мебель по объявлению за полцены спихнул – новую! Всё думал – пронесёт...

Семён замолчал, уставившись в потолок.

– Не пронесло?

– Я должен был собрать дебиторку с мелких клиентов и переслать в головной офис.

– Что это такое?

– Ну... клиентам поставили товар в долг, они за него рассчитываются постепенно, по договору, или на реализацию кому-то выставили... разные варианты по отсрочке платежей бывают.

– А ты с них деньги собрал и... того?

– Вот именно – "того". В Красногорске только через два месяца хватились, да и то случайно: одна из моих клиентов была в Москве, и зашла в бухгалтерию за сверкой. По её данным, долг за товар сто тысяч, а по бумагам фирмы – сто пятьдесят. Начали проверку по всем моим клиентам, прислали паренька из коллекторского бюро...

– Сантехника что ли? – не понял Лёха.

Семён покосился на него, но объяснять не стал:

– Вроде того, с большими кулаками и связями в ОБЭПе и местном УФСБ.

– Бил?

Семён усмехнулся:

– Теперь не бьют, всё культурно. За квартиру я уже досрочно рассчитался к тому времени, но по другим долгам... думал, кредитами в других банках перекинуться, но эти лавочки к тому времени уже тоже прикрылись, да на меня спустили информацию по централизованным каналам... В общем, приперли к стенке конкретно – передавай им квартиру за долги. А как? Там ведь жена, дочь. Я не мог придти домой и сказать – вот, мол, давайте выметаться, закредитовался я. А те напирают – посадим, дескать, упираться если будешь. "О семье подумай, они ж не в крепости у тебя" – намекали так, что типа найдут другой способ воздействия. Оставалось только петлю на шею – тогда отстали бы. Да и то – предприятие себе на убытки мои долги спишет, и дело с концом, а коллекторы – те не-ет, там ребята непробиваемые. Да и живой я им нужен был. А нет человека – нет проблемы. Без меня к семье не сунулись бы – это же не 90-е.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.